

Б.М. Маркевич

**Полное собрание
сочинений**

Том 9-11

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б11 **Б.М. Маркевич**
Полное собрание сочинений: Том 9-11 / Б.М. Маркевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2021. – 1032 с.

ISBN 978-5-517-98380-0

ISBN 978-5-517-98380-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

С о д е р ж а н і е

ДЕВЯТАГО ТОМА:

Бездна. (Часть вторая).

СТРАН.

1—293

Б Е З Д Н А.

Б Е З Д Н А.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ.

Посвящается Еленѣ Сергѣевнѣ Рахмановой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

— Все тотъ же вы?

— Зачѣмъ мѣняться мнѣ!

Горе отъ ума.

Владиміру Петровичу Ашанину уже перевалило за пятьдесятъ лѣтъ, но „безпощадное крыло времени“, какъ говорилось встарь, коснулось лишь словно рго fogга этого „баловня природы“ съ той поры, когда мы впервые познакомились съ нимъ, благосклонный читатель мой. Въ порѣдѣвшей довольно замѣтно шапкѣ его волосъ начинали кое-гдѣ проглядывать серебряныя нити, но волосы эти все такъ же живописно кудрявились вокругъ смуглаго, все еще свѣжаго чела, и большіе черные глаза горѣли все тѣмъ же юношески-пылкимъ, соблазняющимъ женщинъ огнемъ, какъ въ тѣ давно минувшіе годы, когда въ полупрозрачной тьмѣ майскихъ ночей поджидалъ онъ Ольгу Акулину въ аллеяхъ Сицкаго. „Обломовъ старыхъ поколѣній“, онъ оставался неизмѣнно вѣренъ традиціямъ своего былого донъ-жуанства и, вопреки всякимъ „новымъ вѣяніямъ“, плѣнялъ теперь *демократокъ-дочекъ* все тѣми же вѣрадно дерзкими приемами обольщенія, какими въ оны дни завоевывалъ сердца маменекъ - „барынь“. Въ свѣтъ

онъ давно пересталъ ѣздить, да и какой же теперь „свѣтъ“ въ Москвѣ? А въ послѣднее время всѣ часы, оставшіеся у него свободными отъ занятій по театру, проводилъ въ *Стрѣльни* за Тверскою заставой, или въ одномъ скромномъ домикѣ на Патриаршихъ прудахъ: очень ужъ полюбилъ Владиміръ Петровичъ цыганское пѣніе за этотъ годъ...

Мы застаемъ его въ настоящую минуту у себя дома, въ его изящно убранной, холостой квартирѣ въ мѣстности, со-сѣдней съ Большою Дмитровкой. Десять часовъ только-что пробило въ его кабинетѣ, отдѣлявшемся отъ спальни большою ковровою занавѣсью. За нею, въ спальнѣ, происходитъ обычное здѣсь утреннее священнодѣйствіе. Дюжій русскій парикмахеръ Ѳеодоръ, переименовавшій себя „для репутаціи“ во французскаго „*Théophile, coiffeur*“, *наводитъ красоту* на своего кліента: брѣшетъ ему подбородокъ, подвиваетъ усы и выливаетъ на его расчесанную волосокъ къ волоску голову цѣлый флаконъ *eau athénienne*... Но вотъ онъ кончилъ. Старый красавецъ, оглянувъ себя въ послѣдній разъ въ широкое туалетное зеркало, у котораго сидѣлъ, скинулъ съ плечъ пудермантель и, отпустивъ „*Теофіла*“, направился въ уголъ къ висѣвшей тамъ большой иконѣ Спасителя, предъ которою теплилась неугасимая лампада, и сталъ благоговѣнно на молитву, обернувшись спиной къ увѣнчанной гроздіями гологрудой вакханкѣ, глядѣвшей пьяными глазами съ противоположной стѣны... Тотъ же двойственный характеръ набожности и *грѣховности* носило и все остальное здѣсь: на столѣ предъ зеркаломъ, между цѣлою массой англійскихъ щетокъ, черепачовыхъ гребней, ногтяныхъ пилокъ и всякихъ иныхъ принадлежностей тщательнаго туалета, гранатовыя четки лежали рядомъ съ маленькимъ блѣднорозовымъ башмачкомъ, очевидно скинутымъ „на память“ съ ножки молоденькой балерины; перламутровые крестики изъ Іерусалима, финифтяные образки отъ кievскихъ святыхъ висѣли надъ кроватью, покрытой жемчужнаго цвѣта атласнымъ одѣяломъ, распитымъ по краямъ гирляндой розъ изъ сирени и съ огромнымъ вензелемъ владѣльца его по срединѣ,—работа и подарокъ влюбленной мастерицы рукодѣля. Запахъ лампаднаго масла пробивалъ сквозь

своеобразный букетъ только-что откупоренной большой стеклянки духовъ, содержащей въ себѣ какую-то смѣсь иланъ-иланга, ландыша и вервены, которую Ашанинъ приготовлялъ самъ по избрѣтенному имъ особому рецепту... Во всемъ этомъ было что-то, невольно говорившее о типахъ *кавалеровъ* давно исчезнувшихъ временъ, когда религіозный энтузіазмъ и земныя страсти переплетались органически въ какое-то одно, цвѣтистое цѣлое. Недаромъ прозывалъ Ашанина „un raffiné *) du temps de la Saint-Barthélemy“ петербургскій пріятель его, князь Щенятевъ, большой зубоскаль, острословъ и неудачникъ...

Въ кабинетѣ ждали хозяина похолодѣвшій уже стаканъ чая и актеръ Ростиславцевъ, сѣдовласый и добродушный мудрецъ, за потерей голоса перешедшій безъ малѣйшаго неудовольствія съ амплуа перваго тенора московской оперы на роли *податчика писемъ* и *гостя* въ труппѣ Малаго Театра, совершенно довольный пятью рублями разовыхъ, которые получалъ за выходъ, благодаря особому предстательству за него Ашанина. Онъ, въ изъявленіе благодарности и преданности Владиміру Петровичу, являлся къ нему аккуратно каждый день въ десять часовъ утра, присаживался къ круглому столу, за которымъ тотъ отпивалъ свой чай изъ стакана медленными глотками, дымя въ интервалахъ изъ пѣнковой трубки, изображавшей нагую сирену съ рыбимъ хвостомъ; вынималъ изъ стоявшаго тутъ же футляра затасканныя отъ частаго употребленія карты и принимался за пасьянсъ, за которымъ хозяинъ въ свою очередь слѣдилъ зоркими глазами. Разговоры между ними были коротки и относились исключительно къ ихъ домашнимъ, театральнымъ дѣламъ. Съ первымъ ударомъ одиннадцати часовъ Ростиславцевъ также аккуратно вставалъ, раскланивался и отправлялся на репетицію. Не видя у себя утромъ за пасьянсомъ Ростиславцева, Ашанинъ по всей

*) Название *raffinés*, или болѣе опредѣлительно, *raffinés d'honneur* носили во Франціи въ царствованіе Карла IX придворные молодые люди, отличавшіеся особливимъ изяществомъ и вкусомъ своихъ костюмовъ, многочисленностью любовныхъ приключеній и количествомъ противниковъ, убитыхъ на дуэли. Это были *львы* той эпохи.

вѣроятности удивился бы въ такой же мѣрѣ, какъ если-бъ ему сказали, что воры прошедшею ночью похитили Царь-пушку изъ Кремля.

— Здравствуйте, Петръ Михайловичъ, говорилъ онъ, выходя, омовенный тѣлесно и духовно, изъ спальни и садясь на свое плетеное кресло у стола:—что новаго?

— Три декорациі разрѣшено написать для новаго балета, отвѣтилъ тотъ, укладывая червонную даму на трефоваго короля.

— Вы почему знаете? быстро спросилъ Ашанинъ:—у насъ официально ничего нѣтъ изъ Петербурга.

— Шрамъ, декораторъ, письмо получилъ, встрѣтилъ его сейчасъ, идучи сюда; самъ хотѣлъ къ вамъ быть съ этимъ, пріятель у него тамъ въ конторѣ есть: вмѣсто семи, пишетъ, декораций, на какія просятъ у васъ въ Москвѣ разрѣшенія, баронъ согласенъ на три, а представленную смѣту въ десять тысячъ изволилъ сократить на двѣ съ половиной.

— Я зналъ это, съ какою-то словно торжествующею улыбкой проговорилъ на это Ашанинъ.

Ростиславцевъ поднялъ на него съ изумленіемъ глаза:

— Какъ такъ, вѣдь вы, говорите, ничего официально не получали?

— Я и не официально... Варвара Афанасьевна открыла, примолвилъ какъ бы таинственно старый красавецъ.

— Гадалка? въ самомъ дѣлѣ? давно это?

И отставной теноръ, смѣшавъ карты не вышедшаго пасьянса, принялся торопливо тасовать ихъ, не отрываясь взглядомъ отъ своего собесѣдника, откровеніе котораго видимо заинтересовало его.

— Вчера заѣзжалъ къ ней предъ театромъ... Есть тутъ одно обстоятельство, безпокоящее меня, примолвилъ, слегка морщась, Ашанинъ.

— Насчетъ Зильбермана? участливо спросилъ Ростиславцевъ.

Тотъ махнулъ рукой:

— Я о немъ и думать забылъ! Коли отсрочить не хочется,

пусть подаетъ ко взысканію... Пусть всѣ они подаютъ! Ранолли, поздно-ли, одинъ конецъ—опишутъ... Нѣтъ, я о другомъ...

Ростиславцевъ качнулъ головой: знаю-моль о чемъ.

— Такъ чтѣ-жь вамъ Варвара-то Аванасьевна напро-рочила?

— Я вамъ говорю, просто удивительно, чтѣ за даръ про-зрѣнія у этой женщины! Глядитъ въ гущу,—она на кофейной гущѣ гадаетъ,—будто въ зеркалѣ все такъ и проходитъ предъ ней... „У васъ, говоритъ, много теперь заботъ всякихъ и без-покойства, только вы напрасно не тревожьтесь, потому все это должно къ вашему удовольствію кончиться. Перво-на-пер-во, говоритъ, женщина тутъ одна, съ которою вы въ близости состоите, брюнетка, пѣвица она или изъ актерокъ, не знаю, а только не изъ вашего дворянскаго сословія показывается... И молодая она, изъ себя красивая и большую къ вамъ пре-данность имѣетъ“. Сколько времени, можете сказать, спраши-ваю, состою я съ этою женщиной „въ близости?“ „Въ авгу-стѣ четыре года будетъ“; отвѣчаетъ. Именно такъ, какъ вамъ извѣстно.

— Удивительно! вскрикнулъ Ростиславцевъ, слегка даже перемѣняясь въ лицѣ подъ вліяніемъ суевѣрнаго чувства.

Ашанинъ, съ выраженіемъ подобнаго же суевѣрнаго бла-гоговѣнія въ чертахъ и тонѣ голоса, продолжалъ:

„— Вы, говоритъ, сами спервоначала очень любили эту женщину и привыкли, но теперь она вамъ въ тягость, а вамъ совѣсть мѣшаетъ кинуть ее и отъ этого самаго вы себѣ по-кою не знаете. Только все это неожиданно для васъ развя-жется какъ нельзя лучше, такъ что вы сами удивитесь“. „Какъ же это можетъ развязаться?“ спрашиваю я ее опять. „Очень просто: такой будетъ случай, что она васъ будетъ ожидать къ себѣ по обѣщанію, а вы не пріѣдете; она очень разсердится за это и сама пожелаетъ разойтись съ вами“...

— Чтѣ же, Владиміръ Петровичъ, воскликнулъ, прерывая, Ростиславцевъ,—если такъ, то дѣйствительно чего же лучше! Съ одной стороны Зильберманы всякіе, а тутъ женщина на рукахъ... Коли сама васъ развяжетъ, благословляйте Созда-теля...

Старый Донъ-Жуанъ усмѣхнулся:

— Погодите, я не досказалъ. Разрывъ, какъ уже знаете, долженъ произойти изъ-за того, что я не приѣду къ ней по общанію, но главная тутъ причина „другая женщина“...

— Ну такъ! комически вздохнулъ отставной теноръ.

— И это въ связи съ представленіемъ моимъ въ Петербургъ о декораціяхъ для новаго балета.

Ростиславцевъ даже руками всплеснулъ:

— Что вы! все это она въ гущѣ видитъ?

— „Показываетъ“, повторяя выраженіе Варвары Аонасьевны, подтвердилъ Ашанинъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ несомнѣнности такого „показанія“ кофейной гущи.—„Вы, говорить, хлопчете на счетъ какихъ-то денегъ и будто какъ бы не для себя собственно, а въ какомъ-то чужомъ интересѣ. Деньги эти вы получите, только не всѣ, и узнаете объ этомъ чрезъ одну молодую даму, а въ скорости послѣ того изъ-за самой этой дамы выйдетъ у васъ ссора съ вашимъ предметомъ“.

— Что за притча! засмѣялся Ростиславцевъ:—дама-то эта выходитъ—я; потому объ отказѣ барона сообщено вамъ сейчасъ мною.

Въ кабинетъ въ эту минуту донесся изъ передней звонъ колокольчика, и вслѣдъ затѣмъ вошелъ въ комнату дежурный капельдинеръ въ придворной ливреѣ, съ письмомъ и визитной карточкой въ рукѣ.

Анастасія Дмитріевна Ларина, прочелъ Ашанинъ на карточкѣ, взглянулъ на письмо... „Отъ Ошмянскаго“, быстро выговорилъ онъ, взглянувъ на Ростиславцева, вскрылъ поспѣшно конвертъ и, обращаясь къ дежурному:

— Попроси эту госпожу въ гостиную! приказалъ онъ и принялся читать. Но едва пробѣжавъ первыя строки, онъ задрожавшею мгновенно рукой протянулъ письмо Ростиславцеву:

— Читайте: вѣрно или нѣтъ *видитъ* Варвара Аонасьевна.

Письмо было изъ Петербурга отъ состоявшаго въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Ашанинымъ секретаря всевластнаго въ ту пору въ театральномъ вѣдомствѣ лица и начиналось такъ:

„Пользуясь случаемъ отъѣзда подательницы, г-жи Лари-